

Подборка: «Дырка от бублика продаётся»

1.

У КОГО я учился, тех уж, вроде бы, нет.
Теперь они стали бессмертны.
Теперь они музыка, голос, рояль, канцонетт,
благословенье. Теперь они трансцендентны.

А что учителя учителей?
Какое счастье дедушка-учитель!
И не мучитель вовсе, а рачитель
судьбы удачливой моей.

Судьбы! Учитель требует расплаты.
Не золотом, не выводком щенков,
ни даже славословием богатым,
а толпами моих учеников.

2.

ВОДЫ НЕБЕСНЫЕ и воды земные
разъять невозможно,
дымкой покрытые оба голубоватой.
Это ли свет, что родился сегодня от Света?
Эта ли влага была первозданной в Начале?

Эти ли молнии в облаке спали взрывные,
эти ли ветры тревожные
пахнут библейской цитатой,
эта ли мысль станет вновь бессловесно раздетой,
и хмельная душа запоёт о любви и печали?

Как зачали тебя во приделы земные страстны~~е~~
как венчали со смертью неможной,
дощатой, крутой, глуповатой?
И как жизнью манили небесной, и тою, и этой,
чтобы сходни спустить на простые земные причалы.

Воды небесные, воды земные, голубоватой
дымкой покрытые терпкие, те и другие.

3.

КРОВОСМЕСИТЕЛЬСТВО. Магнетизм.

Притяженье родного.

Электризация биографии. Были.

Родится же гений,
а может быть, идиот.

Сколько бы ни было тут
огорчений, решительных мнений
и погромов, чтобы друг друга забыли –
притяженье родного
всю жизнь до конца и мимолётного от.

Не нужно тебе быть горою – горы
одинокими до ужаса и тошноты.

Лучше уж ручейком
или малым синим цветком в поле в весеннюю пору,
незабудкою, колокольцем, игрушкой для детворы.

Это и есть любовь
от до рожденья и до самого после смерти,
для бессмертия и заоблачной красоты.
Что там звёзды, луны, эфиры, воды и тверди!
Настоящий улов в том, что мы с жизнью на ты.

4.

...как будто древопитеки...

Дмитрий Мельников

Да, действительно древопитеки.
Стоим, обнявшись, сплетясь корнями
и кронами свив поцелуй, вовеки
размениваем тысячелетия днями.

Мы. Мысленно мы деревья.
Телесно – всего лишь напоминанье
о том, что душа – это так, обостренье
бессмертия, существованья.

Только нас, только музыку и дыханье
в рот изо рта и из сердца в сердце
вящее стерпит повествованье
о любви, о жизни, о смерти.

Только смерти, конечно, нету
там, где любовь и жизнь.
Там рифма тянется к свету,
приветит любовную брызнь.

5.

КОГДА ТЕБЕ СТАНЕТ ПЛОХО,
скажи:
я получил,
что хотел.

Я только раньше не знал,
по какой цене получу.

6.

ВОЗДУХ ПАХНЕТ СНЕГОМ,
речка пахнет льдом.
Пахнет степь набегом,
и пожаром дом.

Деткой пахнет люлька,
бессмертием любовь,
смертью жизнь-бирюлька –
ей не прекословь.

Не перечь ни смерти,
ни трэфной любви.

На небесной тверди
жизнь благослови.

Снегом пахнет воздух,
пахнет льдом ручей.
Тот, кто небо создал,
до сих пор ничей.

Тот, кто создал время,
всё ещё один.
Кто ж примет Его семя,
если Он Един?

7.

Июль ДОЗРЕЛ до середины
и повернул на осень бронзовые стрелки.
Тут чьи-то песни лебедины
ещё не начали звучать.

Им дни не глубоки, и ночи им не мелки.
Ни сердцем внять, ни умозаключать,
как, почему, минорна ли тональность?

Или в мажор торжественно умрёт
то время нежных снов?
Как сладостна банальность,
когда не опытом, а счастьем полон рот!

И из него мелодия сочится,
за словом слово и за звуком звук,
пока кружится голова от аромата
канцон, перкуссий, од, прелюдий, фуг.

Но надо всем над этим царствует фермата.

Июль дозрел до середины
и стрелки повернул на осень.
И день его теперь звучит из-под сурдины,
и ритм становится несносен...

8.

ПРОШЛИ, ПРОШЛИ осенние мотивы.
Они как изморозь на ветках светлой ивы,
как будто бы теперь не быть беде.
А тёмный омут? Нет его нигде!

Тот омут злой, в нём истина ночует,
и те пески, где бедуин кочует,
огонь, вода, и бешеная бе-
да. Да-да, играют на трубе.

Да, вместе все они дуют одно и то же,
что жизнь твоя на трубный рёв похожа,
в мундштук задули дух, а из раструба смерть
иди, твердит, проверь, насколько твердь

небесная тверда, и сколько жизнь надёжна,
что можно в ней, и взверь, чего не можно.
Чего осколки держат синеву,
что грезится во сне, что наяву

приходит как судьбы волшебный дар,
и что как само-льщения угар.
И если ты пролезешь сквозь трубу,
то обретёшь свободу на горбу.

Свободу жить, свободу умереть,
свободу верить и свободу петь,
свободу отрицать, свободу жить сквозь мглу,
свободу возносить Всевышнему хвалу,

свободу отличать Добро от Пользы,
свободу быть в Начале, а не возле.
И в множестве свобод, которым несть числа,
творить свободу жить достанет ремесла.

9.

ДЫРКА ОТ бублика продаётся,
но только с бубликом вместе.
Так и душа или то, что ею зовётся,
когда не буби, а крести

выпадают. Хоть плохо не очень.
Помогают четьи-миней.
Дни становятся всё короче,
дни становятся всё длиннее.

Вот, придёт весенняя брызнь,
вот, наступит везения твердь,
ненасытно желанная жизнь,
ненасытно желанная смерть.

И на смерть нехватает ума,
и на жизнь нехватает везенья.
Торжествует убийца-зима,
как гигантский бубль отрезвления.

Переселения все ища,
то, что душою зовётся,
постепенно спешит, не спеша,
пока воздух целительный пьётся.

10.

УЖЕ ГОТОВЯТСЯ войны,
в которых тебе суждено
остаться в живых среди бойни
и видеть, как смертно оно,

простое наивное счастье
любить, просыпаться, дышать,
как ангел касаться запястья
и звук фортепьянный вкушать.

Пускай зазвучит фортепьяно
твоей звуконосной судьбы.
Пусть будет открытым и рьяным
в груди твоей свод колотьбы

земного пространства о время,
которого нам не дано.

Детей нерождённое племя,
пусть будет открыто окно

в бессменно грядущее небо
в ответно зияющий миг.

А если зияние немо,
то жизнь была черновик.

Уже начинаются войны,
где нам умирать не впервой,
где смыслы лавровы и хвойны,
и где беспощаден конвой.

11.

Музе

ДА, ВСЁ ПРОЙДЁТ, и мы когда-нибудь.
Свернутся суть времён и расстояний суть,
и жизнь погаснет вместе со Вселенной.
Ты не забудь меня, родная, не забудь!

Такое выплыло тебе на День рожденья.
Но это обо мне. Тебе же вожделенье
моё на память, чтобы всё забыть!
Такое получилось поздравленье.

И всё ж не обойдусь не пожелать здоровья,
здоровья, радости и счастья полнокровья.
Пусть радости и счастья аромат
украсят жизнь твою и внуков поголовье.